

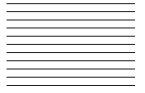
Никулин А.М.

ВАСИЛЬЧИКОВ А.И. – СЕКУНДАНТ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ

Судьба определила Александру Илларионовичу Васильчикову участь постоянного посредника, а порой и реального секунданта в межличностных и классовых конфликтах своей эпохи. И это происходило с ним так часто, что иногда даже профессиональные историки полагают, что существовали разные Васильчиковы. Один – пожилой, получивший известность в правительственных и интеллектуальных кругах уже после 50 лет, – основоположник земского самоуправления и развития земской статистики, создавший фундаментальные труды по аграрному вопросу, верный защитник провинциальной России. Другой – юный, бесшабашный, в возрасте 24 лет бывший секундантом на стороне 26-летнего Лермонтова в его поединке с Мартыновым, не сумевший предотвратить гибель великого поэта. А это один и тот же князь Васильчиков – секундант Васильчиков.

Длительное время единственной книгой, посвященной А.И. Васильчикову, оставалось выпущенное еще в 1882 г., сочинение А. Голубева [1]. На рубеже XX – XXI вв. в социальных науках определенно возрастает интерес к интеллектуальному наследию А.И. Васильчикова, о чем свидетельствуют монографии А.Ю. Старостина [2] и И.А. Христофорова [3]. Отдельные важные аспекты воззрений Васильчикова были проанализированы в работах Т.Е. Кузнецовой [4], Я. Коцониса [5]. Новейший обзор биографии А.И. Васильчикова и его идейного наследия осуществлен Г.Д. Гловели в Большой российской энциклопедии [6].

Род князей Васильчиковых был не просто знатный и древний. Из этого рода вышли многие влиятельные сановники России. Отец А.И. Васильчикова – генерал, героически сражался во время войны с Наполеоном, а в царствование Николая I стал одним из его ближайших сподвижников. Сын А.И. Васильчикова, скончавшийся в 1931 г. в эмиграции,

также до самой революции являлся весомой персоной в экономической и политической жизни страны, одним из ключевых деятелей столыпинской реформы.

Александр Илларионович Васильчиков в 1835 г. поступил и через четыре года успешно завершил обучение на факультете права Санкт-Петербургского университета. Такой выбор был необычен для юноши из такой богатой аристократической семьи. Дело в том, что в большинстве своем дворянские отпрыски того времени предпочитали военную карьеру гражданской. Для князей Санкт-Петербургский университет был «слишком штатским» и слишком дворянско-демократическим учреждением. Но Александр Васильчиков пошел именно в университет. Его отец Илларион Васильевич Васильчиков, человек старой закалки, был не в восторге от выбора сына, но тем не менее препятствовать ему все же не стал, уважая его выбор.

По окончании университета Васильчиков отправился с миссией барона Гана для административного обустройства Кавказа. Впрочем, миссию вскоре упразднили, а Васильчиков так и остался на Кавказе, где в кругу пятигорской молодежи подружился с Лермонтовым и в результате оказался его секундантом в роковой дуэли. За это Васильчиков был предан военному суду, причем, суд над ним отменили по высочайшему повелению императора из уважения к отцу подсудимого. Васильчиков вернулся в столицы, где обращал на себя внимание критическими высказываниями в адрес консервативных порядков николаевского режима правления. Услужливые люди сообщили императору о неблагонадежности сына его министра. Николай I соизволил встретиться с Васильчиковым-младшим и в беседе посоветовал ему: «Переменись!» Васильчиков же повел себя так, что императору пришлось произнести свое «Переменись!» еще раз. Васильчиков вскоре после этого разговора решил уехать в провинцию, поселиться и служить там, что также в свете было воспринято как своеобразный вызов, ибо аристократам империи полагалось исполнять свою службу в центре, а не на периферии.

Для Васильчикова потянулись долгие и неспешные годы, наполненные помещичьими заботами о хозяйстве и непосредственным участием в общественной жизни провинциального дворянства. Он служил уездным, а потом и губернским предводителем новгородского дворянства. В годы Крымской войны А.И. Васильчиков добровольцем пошел на фронт. А в наступившее время реформ царствования Александра II он связал свою общественную деятельность с развитием земского самоуправления.

Совершенно неожиданно для окружающих в возрасте 50 лет Васильчиков опубликовал объемный двухтомный труд «О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений» [7]. Это произведение стало настольной книгой русских земских работников, объединяя в себе как описательный обзор международного и отечественного самоуправления, так и собственные многочисленные и глубокие аналитические наблюдения автора за развитием земств в России.

В Васильчикове обнаружился дар мощного и оригинального литератора, публициста, аналитика. В 1876 г. он публикует следующий капи-

тальный двухтомный труд: «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах» [8]. В те же годы Васильчиков выпускает еще несколько брошюр по проектам правительственных реформ в области губернского управления [9], народного образования [10] и сельской экономики [11]. В центре всех этих сочинений – стремление автора найти оптимальные пути развития российского общества через органичное встраивание традиционных укладов российской общественной и хозяйственной жизни в необходимые демократические преобразования.

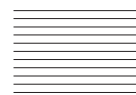
К этому времени имя Васильчикова пользовалось в целом заслуженным авторитетом среди интеллектуальных и властных кругов России. Тем не менее у такого разностороннего и сложного мыслителя, каким он был, не могло не быть серьезных оппонентов, в том числе и довольно агрессивных. В чем только они не обвиняли князя! Западники-либералы видели в нем славянофила новейшей формации [12]. Консерваторы считали его анархистом и социалистом [13]. Ревнивые академические профессора выставляли его амбициозным самоучкой с потешными пробелами в знании истории и теории общественных наук [14]. И упорно шел слух, что так называемый друг-секундант Лермонтова на самом деле был его тайным недоброжелателем, умышленно не предотвратившим убийства гения [15].

Князь иногда отвечал своим критикам – по делу, метко, кратко и с достоинством [16]. Но на первом месте для него все же была работа. Его последняя небольшая книга «Сельский быт и сельское хозяйство в России» [17], опубликованная в год смерти автора, стала своеобразным интеллектуальным завещанием, в котором следующее поколение российских социальных мыслителей нашло ценные идеи и рекомендации.

Нам представляется, что основной задачей для Васильчикова было постижение коренных причин культурных и классовых конфликтов российского общества, поиск путей предотвращения фатального раскола России на враждующие партии, предотвращения гражданской войны. В противостоянии общественно-политических сторон аристократ Васильчиков занимал сторону (был секундантом) крестьянства и земской интеллигенции в их разгорающемся поединке с царской бюрократией. Особенности этого секундантства Васильчикова и посвящена данная статья, в которой изложены основные идеи и рекомендации князя по вопросам конфликтов и взаимодействия местных и государственных властей России и Европы второй половины XIX в.

О местном самоуправлении

Перелистывая одни лишь многостраничные оглавления к первому и второму томам книги «О самоуправлении», проникаешься почтением к объемной и скрупулезной работе, которую проделал князь. На четырех основных языках своего времени – английском, немецком, французском и русском – он проштудировал все мало-мальски значимые вопросы социальной организации местной жизни в ведущих державах второй половины XIX в. Какие только вопросы и проблемы, связанные с самоуправлени-

ем, он не разобрал в своем сочинении! Приведем лишь начала заголовков из этих многочисленных и обширных глав.

Том I: «Общее понятие о самоуправлении...»; «О пределах власти местных учреждений общественных и земских...»; «Об отношении народного представительства к местному самоуправлению...»; «Очерки истории провинциальных и коммунальных учреждений во Франции...»; «О предметах ведомства земских учреждений...»; «О различии и соотношении земских и общественных учреждений...»; «Самоуправление в Англии...»; «Прусские общественные и земские учреждения...»; «Общественные учреждения Франции...»; «О податных обывателях и сословиях...»; «О выборном начале и избирательном праве в земских учреждениях...»; «О натуральных повинностях...»; «Городское общественное управление...»; «О полицейском управлении в Англии...»; «О крестьянских учреждениях...»; «Об устройстве крестьянского быта в разных государствах...»; «О народных школах в Пруссии...»; «О вольных школах в Северо-Американских Соединенных Штатах...»; «О начальном образовании в Англии и Франции... О начальном образовании в России...» ([7]. Т. I. С. 1-5).

Том II: «Законы о бедных в Англии. Общественное призрение во Франции. Попечительство о бедных в Пруссии...»; «Общественное призрение и народное продовольствие в России...»; «О дорожном управлении в Англии, Франции, Пруссии и России...»; «О народном здравии...»; «О местных сборах...»; «О системе добавочных сантимов во Франции...»; «О земских сборах в Пруссии...»; «О земских сборах и раскладках в России» (там же).

По Васильчикову, самоуправление есть участие народа в местном управлении своего отечества и представляет собой:

- сбор налогов и формирование из них местного бюджета;
- расходование местных средств;
- работа местных администрации и суда.

Проблема здесь заключается в пределах и масштабах этих трех составляющих деятельности местного самоуправления и в их соотношении и соподчинении с государственным управлением.

Для начала Васильчиков пределы и масштабы взаимоотношения самоуправления и государства рассмотрел, сравнивая общественное устройство Франции, Англии и Германии.

В этом сравнении Англия с ее self-government, по мнению Васильчикова, служит в основном положительным примером, Франция с ее centralisation – в основном отрицательным, а Германия с ее standische Verfassung движется особым путем, промежуточным между английским и французским.

В Англии фактически все местные хозяйственные и административные вопросы решаются самими местными жителями. Британское государство ревизует и проверяет действия местных властей, но непосредственно повседневно в них не вмешивается, ими не управляет. В основе самостоятельности британского самоуправления – возможность на местах собирать, формировать и расходовать местный бюджет на основе равномерного налогообложения всех местных жителей по реальной их платежеспособности, а также доходности их имущества.

Отмечая и темную сторону жизни Англии, ее «неимущество низших классов», массово проявившееся в результате капиталистической промышленной революции, Васильчиков особо подчеркивает: «Народ английский разделяется на два класса не по рождению, не по месту жительства, не по занятиям и промыслам... в нем нет ни аристократии, ни демократии, ни черни, а только две категории жителей – **имущие и неимущие**» ([7]. Т. I. С. XIII).

Тем не менее Васильчиков продолжает свое рассуждение о нейтрализации этой темной стороны британской жизни следующим образом: «Имущие приняли на себя все прямые налоги и всю общественную службу, обязали себя и своих наследников содержать на свой счет внутреннюю администрацию, армию и флот. Эту обязанность они приняли не в виде жертвования на алтарь отечества или демонстрации в пользу меньших братьев, а по глубокому чувству долга, по сознанию непреложных законов правды и справедливости» (там же. С. XIV). В наше время это называют социальной ответственностью государства и бизнеса перед населением вообще и перед народом бедным и малоимущим в особенности.

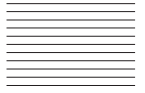
Французская система, по мнению А.И. Васильчикова, покоится на так называемом принципе **народного самодержавия (souveraineté du peuple)**. Суть его заключается в том, что кого народ призвал или избрал в ходе выборов или революции, тому он и обязан беспрекословно подчиняться вплоть до очередных выборов или революций. Как иронично поясняет Васильчиков, «избрание народных представителей или главы правления есть последнее слово французской свободы; коль скоро оно сказано, народ умолкает, слагает с себя свою самодержавную власть, отрекается от краткосрочного своего державства и, смиренно покоряясь своим или своему избраннику, возвращается к верноподданническому безмолвию впредь до нового взрыва народного самоуправления» (там же. С. XVI). Для Васильчикова очевидно, что при таких порядках нет места реальному самоуправлению, все место тут занимает централизованная администрация, с мелочной по сути, а по форме – с полицейской опекой.

Зато здесь внушительно отстроена вертикаль власти: «Права и обязанности, власть и собственность сосредоточены на высшей ступени государственного сооружения, в министрах и самодержце, под ними расстилается сеть второстепенных безответных агентов.

Департаментами заведуют префекты, уездами – суб-префекты. Сельскими и городскими обществами – мэры. Отдельными селениями – полевые сторожа. Все эти лица никакой самостоятельности не имеют и состоят на службе как стражники правительства...» (там же. С. XVII).

В результате такой системы во Франции на постройку сельского моста, если его ценность превышает 500 франков, требуется разрешение министра. Избрание полевого сторожа или общественного пастуха утверждается мэром. Любой сельский учитель назначается исключительно из столичного департамента.

В третьем издании «Самоуправления» Васильчиков напомнил, что недавно прошедшая франко-прусская война, завершившаяся катастрофой для Франции, продемонстрировала всей Европе коррумпированность,

неэффективность полицейско-административного централизма, игнорировавшего нужды реального местного самоуправления Франции.

Объединенная Бисмарком Германия, по мнению Васильчикова, с одной стороны, стремится внедрить основы реального местного самоуправления, а с другой – она слишком опутана правилами различных сословных союзов на местах. Особенно тут сказывается и влияние милитаризованной партии прусских юнкеров, настолько же современно проворных в военном деле, насколько и неуклюже старомодных в делах общественного самоуправления.

Итак, сословность *standische Verfassung* – ею пронизаны и опутаны основы германского самоуправления. К участию в самоуправлении здесь призываются не обыватели, как во Франции, не приходы и графства, как в Англии, но сословия: крестьяне-бауэры, горожане-бюргеры, помещики-юнкеры. Здесь у каждого сословия есть свое представительство и свое управление. В собрании представители сословий не смешиваются, их голоса подсчитываются особо. При такой организации в немецких окружных и областных собраниях неравный подсчет голосов по сословному принципу отдает явное преимущество дворянству. Васильчиков приводит характерную статистику в 1867 г.: из 5968 голосов местного самоуправления в собраниях Германии 4810 голосов принадлежало дворянству, 523 – горожанам, 635 – крестьянам. Эта многосложная самоуправленческая система объединяется сверху бюрократической инстанцией *ландратов*, назначаемых прусской короной. Таким образом, в организации местного самоуправления заложено коренное противоречие между реальным, пусть и сословно, традиционным самоуправлением снизу и его бюрократическим контролем сверху. Разрешается, по мнению Васильчикова, это противоречие специфическим духом прусской бюрократии, которая, в отличие от французской и тем более русской, выделяется в лучшую сторону своей образованностью и профессионализмом. Поэтому, заключает Васильчиков, «германский общественный организм силен внутренним своим духом, разумом не законодательства, а людей, приводящих закон в действие» (там же. С. XXIV).

Каковы же на фоне этих трех стран особенности российского самоуправления? Васильчиков полагает, что самым словом «**земство**» объясняются основы исторической самоорганизации местного населения, суть которого состоит в том, что «оно относится к *представительству не народа, а земли*» (там же. С. XXV). Это первое коренное отличие земской организации.

Васильчиков отмечает, что свидетельством тому являются уже древнерусские летописи: «С первых слов нашей исторической жизни на первый план выступает земля; она велика и обильна, говорят послы новгородские в 862 году, и с того времени до новейших слова **земля, земство, земские чины и люди** употребляются для обозначения понятий, соответствующих иноземным понятиям **отечество и народ**, как будто в России человек и земля составляют одну неразрывную единицу и как будто гражданин-обыватель, русский подданный неразлучен с правом земельного владения, немислим без недвижимого имущества и надела, не полон без участия в пользовании Русской землей» (там же. С. XXVII).

Люди в России самыми разнообразными способами испокон веков изначально прикреплялись именно к земле. «От нее, от земли, на которой кто сидел, человек получал свое общественное значение: он назывался служилым, если поместье было обложено царской службой, посадским, если водворялся в черте города или посада, и крестьянином, если сидел на черной земле и исправлял подати с черной сохи; он же считался монастырским, дворцовым, помещичьим, если селился на белых землях частного пользования, но сам по себе, как лицо, не имел никакого значения, никаких прав и по тому самому и не нес никаких личных повинностей» (там же. С. XXVIII).

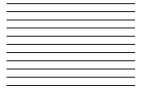
Отсюда и образовалось понимание того, что земство есть представительство всей земли, входящей в государственную территорию. Такое представительство не давало людям политических прав, зато налагало на них повинности и подати, прикрепляло к земле. В России связь с землей была не только правом, но и обязанностью.

Если в других странах поземельное владение – это привилегия высших классов, то у нас, пишет Васильчиков, поземельное владение есть повседневная обязательная повинность низших слоев, и, таким образом, «земство выражает именно совокупность интересов местных жителей, которые держат землю и которые доходами от нее обеспечивают отбывание повинностей и уплату податей» (там же. С. 30). Как следствие, например, в России, собственник, сдавший в аренду землю, не признавался членом местного земства, а его место в земстве занимал тот, кто использовал его угодья: арендаторы, оброчники, земледельцы.

Второе коренное отличие земской организации – особое значение крестьянства, организованного в сельские общины. Ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции ничего подобного не было. Пусть современная Васильчикову Франция еще оставалась великой крестьянской страной, но французская община представляла собой территориально-административную единицу, в то время как русская община была общественным поземельным союзом. Значение членства в этих двух общинах было весьма различно – несущественно во Франции, подавляюще влиятельно в России.

Итак, **право на землю и сельская община** – вот два оригинальных основания российского земского самоуправления. И, полагает Васильчиков, во всемирном движении к уравниванию прав классов и сословий в XIX в. земское движение отличается тем, что во главу угла собственного развития ставит не личную свободу, политическое равенство, социальное братство, а *право на землю и соответствующую обязанность держать землю*, чтобы пользоваться политическими правами.

В заключение Васильчиков переходит к рассмотрению принципов местного самоуправления, универсальных как для Запада, так и для России. Исходный постулат Васильчикова – за любое благо, за любую пользу должен платить только тот, кто имеет возможность поучаствовать в соответствующих выгодах от этого оплаченного им мероприятия. В условиях сельского местного самоуправления так называемая возможность участия в мероприятии зависит прежде всего от соответствующей близости

и дальности расстояний. Даже в Западной Европе, отмечает Васильчиков, сельское население, рассевшись по отдельным мелким фермерским участкам, при этом лишившись своей традиционной общины, также лишилось многих возможностей культурного развития. В результате школы, кредитные и врачебные учреждения в основном сосредоточились в городах, от них что-то в смысле культуры перепало лишь пригородным селениям. Васильчиков подчеркивает, что «для большинства сельского населения ни школа, ни больница, ни кредит не были доступны, во-первых, по дальности расстояния, а во-вторых, потому что люди, меж собой незнакомые и друг другу чуждые, не имеют возможности соглашаться и складываться на предметы, служащие для общей пользы» ([7]. Т. II. С. 521).

В России эта проблема расстояний и расселений имеет свою особую территориально-культурную специфику, которую Васильчиков называет проблемой большей или меньшей сплошности сельских поселений, которую и иллюстрирует, приводя свои исчисления, согласно которым по 31 великоросской губернии в среднем на одно селение приходилось 85 душ живших в 28 дворах. Конечно, данный показатель является весьма усредненным.

Васильчиков приводит следующие конкретные примеры, сопровождая их соответствующими аналитическими комментариями: «Если мы сравним не уезды, а губернии меж собой, то, например, слабейшие общества мы находим в западных уездах Псковской губернии (в Торопецком уезде на одно селение приходится 13 душ, в Холмском и Опочецком – 17), наоборот, самые крупные – в крайних восточных уездах Воронежской и Астраханской губерний (в Павловском уезде на 1 селение 733 души, в Царевском – 933)...

Спрашивается, могут ли быть применены одни и те же порядки и учреждения к столь разным общественным отношениям; можно ли требовать от селения с 3-4 домохозяйствами такой же инициативы, как от слободы в 282 двора; можно ли возлагать обязательные повинности, устройство школ, врачебное управление, воинскую повинность – одинаково на селения мелкие и крупные и на губернии, где жители разбиты на 13290 поселений (Псковская губерния) или на 10952 (Смоленская), и на те, где они сомкнуты в 177 крупных сел (Астраханская)» (там же. С. 528–530).

Таким образом, по Васильчикову, в России, в отличие от стран Западной Европы, в вопросах самоуправления оказывается решающей даже не столько густота населения, близость расстояний, удобства сообщений, но прежде всего «рассеянность и сплошность» мест сельского жительства. Что же касается густоты населения, близости расстояний и удобства сообщений, то тут, считает Александр Илларионович, и в России, и в Европе прослеживаются одни и те же приметы централизации, в которой централизация управления определяет и централизацию повседневного быта. Вокруг столиц и крупных городов, и в сельской местности еще возможно обнаружить добротные учебные, медицинские, кредитные, благотворительные заведения, а заберешься куда подальше (Васильчиков еще не знал нашего понятия «глубинка»), так там, что во Франции, что в Рос-

сии, не найдешь ни признаков прогресса современной цивилизации, ни соответственно самих сведений о состоянии местного самоуправления.

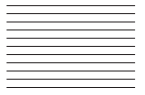
Васильчиков подчеркивает, что раскол между высшими и низшими сословиями становится теперь не только имущественным, но прежде всего, территориальным. Там, в столичных центрах, все толкуют о величии отечества, объединении народностей, славе оружия, политическом равновесии, высшем образовании, торговом балансе, оставляя на потом, за неимением времени и сведений, вопросы земельного обустройства, провинциальной бедности, сельского образования, местного кредитования, организации сельских и рабочих союзов. Все эти вопросы, оставленные на потом в России, на Западе получили название вопросов социальных. В тех странах, где власть и общество ими заниматься не торопятся, всегда стремительно возрастают радикально-экстремистские организации социалистов, наживающих на постановке этих вопросов свой авторитет и влияние. Главная беда в том, что и социалисты, так озабоченные вопросами социального неравенства, в основном руководствуются все той же, а порой и более жесткой централистской идеологией. И если социалисты через хаос смуты и революции все же придут к власти, то, заявляет Васильчиков, ждать от них развития свободного регионального самоуправления на местах, устанавливающего взаимовыгодный обмен ресурсами между городскими центрами и сельскими провинциями, никак не приходится.

Более всего Васильчикова раздражала усиливающаяся мода потолковать в Европе и в России о децентрализации управления на местах, за завесой которой совершенствовались управленческие методы административно-полицейского контроля. Сам Васильчиков описывал эту ситуацию следующим образом (это описание не касалось Англии и Америки, где в то время укреплялось, как он считал, реальное, а не фиктивное самоуправление): «Всюду (в Европе и в России – *А.Н.*)... уразумели простую истину, что надо внутреннему управлению наружный вид и все формы и обряды наружной самостоятельности с некоторым оттенком либерализма (придать. – *Ред.*), лишь бы удержать за собой дело по существу, то есть расходование сумм, раскладку налогов, сменяемость должностных лиц, право распускать собрания, если они оказываются противными “государственной пользе”.

Все остальное могло быть без особой опасности предоставлено народным массам, а именно право говорения, право ходатайства, власть голосования, даже свобода печати, если только над всеми этими правами, властями и свободами оставались верховными судьями администрация и полиция.

Но дело самоуправления никак не подвигалось... Везде министры продолжали истолковывать законы “по указаниям опыта”, везде должностные лица преследовались “административным порядком”, везде нарушались законные права ввиду “государственной пользы”.

Это двойственное направление политики – либеральное, земское (самоуправленческое. – *А.Н.*) по внешней обстановке, приказное, полицейское по внутреннему разуму – и составляет... главную характеристику современной политики» (там же. С. 513).

Тут возникает вопрос: а почему Васильчикова так заботила бедность региональных периферий и массовых социальных слоев? По соображениям только гуманистическим или же и по экономическим? Здесь надо отметить, что в своих политэкономических воззрениях Васильчиков не отделял проблемы экономической мощи и социальной бедности друг от друга. Он видел перед собой народное хозяйство России в целом и исходил из того, что успешность существования общества определяется не только состоянием его «первых и высших» представителей и страт, но также и самочувствием самых «последних».

Васильчиков все время напоминал своим современникам: оглянитесь на Европу, где к середине XIX в. дифференциация богатства и бедности породила армии пролетариев и пауперов, что было как несправедливо, так и опасно для существования общества в целом.

Не являясь ни социалистом, подобно Герцену, ни славянофилом, подобно своему другу Самарину, Васильчиков не идеализировал крестьянскую общину, признавая за общиной множество недостатков: подавление отдельной семьи и личности волей сельского общества; косный уровень агрокультуры, часто противящийся рациональным нововведениям; подчиненность общины административному контролю. Тем не менее в современных ему российских условиях Васильчиков отмечал в общине главное достоинство: социальную поддержку всех членов общества, в том числе и слабейших.

Пореформенный период 1870–1880-х гг. в истории России совпал с первым мировым кризисом сельского хозяйства, когда в мире цены на зерновые культуры понизились по сравнению с предкризисным периодом почти в два раза. Одной из причин этого стало создание мирового рынка зерна, когда производимое в большом количестве дешевое зерно в Новом Свете стало возможно доставлять пароходами и по железной дороге в Старый Свет. Но, как отмечал Васильчиков, в условиях России этот кризис болезненно совпал с началом кризиса аграрного перенаселения в европейской части России, приведшего к экологическому кризису сельскохозяйственного оскудения.

А в результате, констатирует Васильчиков в одном из своих поздних сочинений, «доходность земли уменьшается потому, что прежние культуры истощили почву, истребили леса, потому, что земли устали, просят отдыха, так как верхний слой их, непрерывно переворачиваемый на одну и ту же глубину и засеваемый одними и теми же хлебами, наконец отказывается производить такие массы продуктов, какие извлекались из него в течение столетий» ([17]. С. 115).

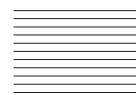
Васильчиков подчеркивал, что Россия оказалась не в уникальной ситуации. За век до нее подобная ситуация была в Западной Европе. Во второй половине XVIII в. там также сложилась критическая ситуация с продовольствием и экологией, выражавшаяся в учащении неурожайных, скудных и голодных годов по причине роста численности населения, не способного произвести достаточного количества продуктов традиционными аграрными способами. Европа нашла выход в проведении аграрно-экономических реформ и развитии аграрной науки, введившей правила рационального, научного земледелия.

По мнению А.И. Васильчикова, решение задачи качественного повышения уровня сельского хозяйства в России невозможно без реализации ряда социально-экономических мероприятий. К ним он относил в первую очередь развитие начального сельскохозяйственного образования, распространение сельскохозяйственного кредита, активную поддержку переселения сельского населения на целинные земли юго-востока Российской империи. Проведение этих мероприятий невозможно без эффективной работы местных аппаратов власти, в особенности без недавно созданных в России органов местного самоуправления – земств. А земствам для организации эффективной работы необходимо было знать реальное положение дел на своих территориях. Вот почему Васильчиков одним из первых земских деятелей предложил программы сбора статистических сведений по так называемым подворным переписям – упрощенным, но достаточно эффективным формам бюджетных исследований. Но все это – и статистику, и образование, и кредит – было возможно эффективно организовать на селе при условии эффективной работы самих земств. Деятельность только центральной бюрократии на местах, по наблюдениям Васильчикова, слишком часто оказывалась некомпетентной и, как следствие, неэффективной. И так как успех местного народнохозяйственного быта прежде всего зависел от степени организации местного самоуправления, Васильчиков и посвятил ему свое самое обширное исследование.

С момента выхода в свет книг Васильчикова прошло почти полтора века. За это время развитие местного самоуправления и на Западе, и в России представляло собой драматическую историю.

Сейчас на Западе (и прежде всего в объединенной Европе) существенные характеристики самоуправления, определенные в свое время князем Васильчиковым, стали повседневными принципами общественной жизни: суверенитет муниципальной власти, сбор основных налогов и формирование на их основе бюджета на местах, эффективный муниципальный контроль основных отраслей социальной сферы и, как следствие всего этого, выравнивание в уровне и благоустройстве жизни городов и сельских поселений.

В России в период земства процесс становления самоуправления происходил медленно и мучительно, в конфликтах с царской бюрократией, и он был далек от завершения, когда произошла революция 1917 г. Послереволюционные органы самоуправления – советы – стремительно подпали под контроль коммунистически централизованной административной машины. В конце концов советский коммунизм пал, но административный централизм устоял, вот почему в современной России оказываются по-прежнему актуальными основные идеи сочинения Александра Илларионовича Васильчикова, и не только о местной, но и о государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубев А. Князь А.И. Васильчиков. Биографический очерк. – СПб., 1882.
2. Старостин А.Ю. Васильчиков А.И. (1818 – 1881): политические идеи и концепции.
3. Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам : Конец 1850 – середина 1870-х годов. – М.: Русское слово, 2002. 432 с.
4. Кузнецова Т.Е. Общественно-политическая мысль о природном потенциале России: XII в. – советский период XX в. – М.: Наука, 2004.
5. Коцонис Я. Как крестьян делали отстающими: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861 – 1914. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.
6. Гловели Г.Д. Васильчиков А.И. / Большая Российская Энциклопедия. Т. 4. – М. – С. 647.
7. Васильчиков А.И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Т. 1-2. – СПб., 2-е изд. 1872.
8. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. – СПб. Т.1–2. 1876.
9. Васильчиков А.И. Русский администратор новейшей школы. – Берлин. 1868.
10. Васильчиков А.И. Письмо министру народного просвещения графу Толстому от князя Васильчикова. – Берлин. 1875.
11. Васильчиков А.И. Мелкий земельный кредит. – СПб., 1876.
12. Leroy-Beaulieu A. Le Socialisme agraire et le régime de la propriété en Europe // Revue des Deux Mondes. Mars 1879.
13. Journal de St. Petersburg. – 1877. № 1. P.236-248.
14. Герье В.И., Чичерин Б.Н. Русский дилетантизм и общинное землевладение. М., 1878.
15. Kelly L., Lermontov. Tragedy in the Caucasus. L., 1977.
16. Васильчиков А.И. Несколько слов о кончине М.Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н.С. Мартыновым // Русский архив. – 1872. № 1. – С. 205-213
17. Васильчиков А.И. Сельский быт и сельское хозяйство в России. – СПб., 1881.